

УДК 340.12 (095)
DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.02

А.В. ЛЬВОВ

Политическое сознание гражданина древнегреческого полиса¹

Основным мерилom для античного гражданина была степень его участия в политической жизни своего полиса, а связь между человеком — гражданином, коллективом граждан и полисом была особенно тесной. В свете этого целью данной статьи является попытка рассмотрения особенностей формирования и развития политического сознания античного человека, соотношения его политического сознания с реальным поведением.

Ключевые слова: политическое сознание; гражданин; гражданство; Древняя Греция.

В античной философии понятие человека как личности не существовало в той форме, в которой оно присутствует в более поздние эпохи. Было бы трудно говорить о личности как о таковой применительно к тому времени, поскольку степень зависимости человека от государства на протяжении всей античной истории была очень велика, а то, что мы называем личностью в наши дни, связывалось с несколько иным содержанием. При этом борьба аристократии за старые общинные институты против демоса и его вождей, утверждающих демократические принципы в государственной жизни, не прекращалась вплоть до трагического поражения греков под Херонеей. И реформы Солона, и реформы Клисфена своей целью полагали установление гражданского мира и спокойствия, примирения враждующих сторон.

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен —
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.
Так же подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился, — чтоб никаких им не чинилось обид.
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других.

(Aristot. Aph. Pol. IV, 12, 1)

Но не вызывают одобрения Солона и те из граждан, которые «по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило». Он призывает карать всякое

¹ Продолжение, начало статьи см.: Львов А.В. Политическое сознание гражданина древнегреческого полиса. Ч. 1 // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2018. № 4 (32). С. 25–33.

проявление аполитичности: «Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав» (Aristot. Aph. Pol. IV, 8, 5).

Как мы можем видеть, принцип о сущности человека как существа политического, выразившись в знаменитой аристотелевской формуле, надолго закрепился в сознании греков. Аристотель также утверждает, что государство первично по отношению к семье и конкретному человеку, основываясь на вышеупомянутом принципе, а также на том, что целое предшествует части (Aristot. Polit. I, 1253a, 15–30).

Основой социально-политической структуры в те годы становится полис. Так же как складывались и упрочнялись связи между гражданами, складывались и крепили межполисные отношения. Активизируется колонизация. Родственные связи граждан метрополии с гражданами колонии, постепенно перерастающие в политико-экономические, также играют свою роль в этом процессе. Результатом крепнущей связи между греческими городами-государствами стало и развитие ряда общеэллинических культурных центров: Дельфы, Олимпия, остров Делос и др. Все это оказывает серьезное влияние на сознание эллинов. Новые связи, контакты, состязания, знания вырабатывали новый, уже общеэллинический, стандарт идеального человека и гражданина.

Наибольшим фактором по влиянию на развитие и усиление этого процесса явились греко-персидские войны. Битвы при Марафоне, Фермопилах, Саламине, Платеях, Микале и Эвримедонте оказали решающее воздействие на формирование в политическом сознании древнегреческого гражданина чувства национального единства, исторической общности эллинов и той резкой грани, которая отличает их от остального мира — варваров. «Двинулась Азия на Элладу, — поет хор в “Персах” Эсхила, — Греческий народ не из робких». Таким образом в сознании грека четко закрепилось представление о новом, общеэллиническом способе существования:

Вперед, сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков: бой теперь — за все!

(Aesch. Pers. 402–405)

Несмотря на непрекращающиеся смуты и вооруженные конфликты между полисами, происходившие на всех этапах греческой истории, теперь в отношении к внешним соседям эллины выступали целостной силой. Иначе говоря, «...в уме грека начинает формироваться представление о новой, высшей, общеэллинической сущности со своими неведомыми законодателями, героями, умопостигаемыми законами, по отношению к которым законы собственного города-государства должны рассматриваться второстепенными и производными» [3: с. 191]. Это и немудрено, ведь многолетние войны с Персией изменили сам характер отношений между полисами, серьезно повлияли на их политику, систему межполисных связей и способы жизни. Следствием только Саламинской

битвы было то, что, освободив разрушенный и разоренный персами родной город, афиняне так и не вернулись к старым нормам жизни.

Итак, гражданская связь между людьми крепнет. Статус гражданина приобретает в глазах людей все большее значение. Положение человека как гражданина дает ему ряд весьма ценных прав и привилегий. Постепенно формируется и представление о том, что соответствует статусу гражданина, а что считается для него позорным. В первую очередь это коснулось трудовой деятельности. Человек превращается из работника, непосредственно осуществляющего свою профессиональную деятельность, в хозяина источника дохода. Исполнение «рабской» работы свободным стало считаться позором. Даже когда Сократ предлагает Евферу для обеспечения себе сытой старости наняться в управляющие хозяйством к какому-нибудь состоятельному человеку, тот заявляет в ответ: «Тяжело будет мне, Сократ,... нести такую рабскую службу» (Xen. Mem. II, 8, 4).

На подобную же тему задает свой вопрос Сократ и Аристарху, в доме которого не хватает пропитания, но есть много бездельничающих родственников: «Так неужели оттого, что они — свободные, они не должны ничего делать, как только есть и спать?» (Xen. Mem. II, 1–8)

Следствием такого положения вещей явилась необходимость для свободного искать новые сферы деятельности. А так как занятия земледелием, ремеслом и торговлей не для всех были доступны, многие зарабатывают себе на жизнь активно участвуя в политической жизни и получая плату за исполнение своих гражданских обязанностей. Однако это приводит к массе злоупотреблений (см. например: Demosth. Log. VIII, 32). Некоторые граждане стали предлагать услуги учителей и логографов, были паразитами. Развиваются ростовщичество и спекуляция — занятия, считавшиеся совершенно недопустимыми для граждан. Еще более неблагоприятные занятия типа сикофанства (ремесло доносчика-вымогателя) становятся уже профессиональными.

Основные способы к существованию для свободного гражданина хорошо проиллюстрированы в одной из речей Эсхина: «...в том-то и дело, что у Тимарха не осталось ничего: ни своего дома, ни сдаваемого внаем, ни участка, ни рабов, ни денег, отданных в долг, ничего другого, что составляет источник существования для честных людей» (Aeschin. Log. I, 105).

Если попробовать описать реального гражданина древнегреческого полиса, то ему, как и любому человеку, ничто человеческое не было чуждо, а поэтому античный грек (да и не только он) был далеко не идеальным гражданином. Несмотря на великие примеры гражданской стойкости и верности гражданскому долгу, история Греции полна также и образцами политической недалекости и аполитизма. Многие великие государственные деятели, философы и поэты либо поплатились жизнью за свои заслуги перед государством, либо умерли на чужбине, будучи изгнанными.

Стоит только вспомнить самые одиозные из подобных примеров: судебный процесс над стратегами — победителями в битве при Аргинусских островах и суд над Сократом. Как точно отметил Гегель, говоря о суде над Сократом:

«Принцип Сократа ...не был проступком индивидуума, все афиняне были соучастниками этого же проступка; это было как раз преступление, совершаемое народным духом против самого себя... Это — разложение народа, дух которого... вскоре исчезнет из мира... Познание привело к грехопадению, но оно также содержит в себе принцип спасения. То, что таким образом, у других было лишь гибелью, у Сократа... было также принципом, носившим в себе лекарство» [1: с. 83]. Но «Бобов грызун, сварливый, привередливый, народ афинский, старикашка глухонький» предпочитал умереть, чем терпеть мучения, приносимые «лекарствами», которые давали ему его лучшие граждане. Народ надо «подкармливать словечками лукавыми, подмасливать и льстить: “О, государь Народ!”» (Arist. Hip. 40–50). Ведь от решения этого народа зависит очень многое. А с тех пор как исполнение гражданских обязанностей стало платным, активная гражданская деятельность во благо государства превратилась в паразитизм за его счет.

Как отмечал лукиановский Менипп, перечисляя национальные страсти: «Финикияне путешествовали; киликийцы совершали разбойничьи набеги; лаконцы сами себя бичевали; афиняне судились» (Luc. Icarom., 16). Почти священная страсть афинян к судебным процессам, словно бы заложенная в них еще Афиной и Посейдоном, устроившими перед сонмом богов во главе с Зевсом судебное разбирательство за владение Аттикой, превратилась с веками в некоего рода неотъемлемую национальную привычку. Не зря тот же Аристофан с усмешкой отметил:

Есть в стране Судебной Тяжбы,
Возле города Присяжных,
Племя длинных языков.
Языками пашут поле,
Языками сено носят,
Языками жнут хлеба...

(Aristoph. Orni. 1690–1695)

Высмеивая безобразную любовь афинян к судам, Аристофан уподобил своих сограждан осиному рою, жалящему всех встречаемых поперечных и навязывающемуся на этом. Как с глубокой грустью и тоской вспоминает о своей бытности гелиастом старик Филоклеон — главный герой «Ос», запертый дома своим сыном, желающим отвратить отца от его безумной страсти:

...могуществом нашим любому царю мы ничуть
и ни в чем не уступим.
Есть ли большее счастье, надежней судьба в наши
дни, чем судейская доля?
Кто роскошней живет, кто гроза для людей,
несмотря на преклонные годы?
С ложа только я сполз, а меня уж давно у ограды
суда поджидают..
Подойти я к суду не успею,

Принимаю пожатия холеных рук, много денег
покравших народных,
И с мольбой предо мной они гнутся в дугу,
разливаются в жалобных воплях...
Наконец, размягченный мольбами, вхожу,
отряхнувши всю ярости пену,
Но в суде никаких обещаний моих исполнять не
имею привычки,
Только слушаю я, как на все голоса у меня
оправдания просят.
И каких же, каких обольстительных слов
в заседанье судья не услышит?..
Или это не власть, не великая власть?..
И отчета мы в том никому не даем, не в пример
остальным учреждениям...

(Aristoph. Orni. 549–562; 575; 587)

Суды присяжных действовали в Афинах еще со времен Солона. Мысль быть самим своими судьями, видимо, весьма понравилась афинянам, и к V в. до н. э. гелиея сосредоточила в своих руках ведение всех гражданских и почти всех уголовных дел. Неспроста старик Филоклеон (букв.: любящий Клеона) сравнивает судебскую власть с властью Зевса (Аристофан. Осы, 620–630).

Благодаря реформам Эфиальта и Перикла должность гелиаста стала доступна для всех, и было принято решение об оплате присяжным посещаемых ими судебных заседаний. При Перикле плата за посещение заседания гелиеи составляла 1–2 обولا. Клеон вскоре увеличил эту плату до 3 оболлов. Таким образом суд превратился для многих в источник средств к существованию. По этой причине Филоклеон считает самым приятным не зрелище пресмыкающихся перед судьями обвиняемых, а возвращение домой, когда его домохадцы, зная, что глава семьи принес деньги, лебезят перед ним в надежде на его щедрость (Aristoph. Orni. 605–612).

Вполне естественно, что подобные методы не способствовали развитию у граждан желания творить справедливый суд. Благодаря тому, что у греков отсутствовала адвокатура, обвиняемые вынуждены были оправдываться всеми доступными средствами, круг которых определялся их материальным достатком, знакомствами, влиянием и т. д. Люди побогаче старались умиловить судей денежными подачками или богатыми подарками, иные шли к логографам для того чтобы им сочинили убедительные апологии. Суды часто превращались в некое подобие театральной сцены, на которой разыгрывались настоящие комедийные представления (Aristoph. Orni. 564–574).

Так как греческий суд не имел специального чиновника, наделенного полномочиями привлекать кого-либо к суду, обвинение в гелиею могло быть подано любым гражданином. При этом оно тут же принималось к слушанию. Греки не вели предварительного расследования, и никаких доказательств виновности подозреваемого суд не требовал. Жалоба принималась к слушанию уже

как факт, и обвиняемому ничего не оставалось, как идти в суд и самому убеждать гелиастов в своей невинности (Lys. Log. XXV, 4–6). Подобные недостатки судопроизводства также порождали массу злоупотреблений. Именно им было обьязано греческое общество распространением сикофантов — профессиональных доносчиков, зарабатывающих на жизнь методом шантажа, вымогая у людей деньги или же (если «клиент» оказался несговорчивым) подавая в суд реальное (если имелись соответствующие факты) или надуманное обвинение (Lys. Log. XXV, 3; Athen. Deip.soph. VI, 254b).

Вот как описывает сикофанта Демосфен: сикофант — это «собака демоса, как говорят некоторые. Какого же рода? А такого, что он не кусает тех, кого называет волками, а пожирает овец, которых, как он сам заявляет, он стережет». Сикофант — «торговец подлостью, продавец и меняла совести, пусть даже у него в руках нет ни весов, ни гирь. Ведь все, что он некогда сделал, он и продал...

Его душа не занята никакими заботами об общественном благе. Он не занят ни ремеслом, ни земледелием, ни какой-либо другой полезной деятельностью, его не соединяет ни с кем ни общение, ни человеколюбие. Он проходит через рыночную площадь подобно змее или скорпиону, подняв жало, озираясь по сторонам и выбирая, кого бы оклеветать, кому бы причинить горе или какое-либо другое зло, кого ввергнуть в страх, у кого выманить деньги. Он необщителен, неудачлив, у него нет друзей. Ему не свойственны ни благодарность, ни любовь, ни что-либо другое из того, что присуще уравновешенным людям. С какими атрибутами живописцы изображают нечестивцев в Аиде, с такими же — с проклятиями, хулой, завистью, мятежностью и бранью — проходит сикофант по городу» (Demosth. Log. XXV, 40; 46; 51–52). Сикофанты, как правило, маскировали свое грязное ремесло радением за общественные дела и часто доказывать свою невинность пред гелиастами даже несправедливо оклеветанному человеку было очень непросто (Isocr. Log. XVIII, 9–10).

Итак, право обвинения целиком принадлежало стороне, предъявлявшей иск. Потерпевшая сторона должна была сама отыскивать виновного, собирать улики и свидетелей, выступать с обвинительной речью, а после признания подсудимого виновным — предлагать меру наказания (Plat. Apol. 35e–38b). Вполне естественно, что оправдаться при подобных обстоятельствах для честного человека, тем более для несведущего в подобных делах и не умеющего убедительно говорить, было весьма сложно.

Естественно, в этих условиях государство мыслилось обычными гражданами не только как политическая сила, оплот, но и как способ к существованию. Немудрено и то, что борьба общинной аристократии и лидеров демоса за власть лишь обострялась, постоянно давая плодотворную почву для политического хаоса как в государстве, так и в умах.

Поражение в Пелопонесской войне и крах Первого афинского морского союза, лишь обострившие эти антагонизмы внутри Афин, принесли и более серьезные проблемы — Греция вновь была ввергнута в состояние раздробленности. Величие Афин как морской державы, заложенное еще Фемистоклом

и Периклом, исчезло. Афинский флот, уничтоженный Лисандром, прекратил свое существование, а вместе с ним распались и сложившиеся экономические и политические связи между полисами.

Последствия самой кровопролитной в истории Греции войны были ужасны: вырубленные рощи и виноградники, сожженные поля, разрушенные города и оскверненные храмы. Война привела к колоссальному перераспределению материальных богатств и утрате большого числа людей среди гражданского населения полисов, в связи с чем возникла проблема пополнения рядов гражданского населения со стороны.

Разумеется, все это не могло не сказаться и на политическом сознании и нравах граждан городов-государств. Гражданские общегосударственные добродетели все чаще растворяются в эгоистических частных интересах граждан. В городах с новой силой оживляется ростовщичество. Деньги становятся престижной формой богатства. Углубляется дифференциация внутри населения полисов (Isocr. Log. VII, 54). Количество богачей, располагающих большими капиталами, значительно увеличивается. Огромные размеры принимает спекуляция хлебом. Несмотря на смертную казнь, полагавшуюся за занятия спекуляцией, наживой подобного рода не брезговали даже граждане.

«Их интересы противоположны интересам других, — гневно обрушивается на спекулянтов Лисий, — они всего больше наживаются тогда, когда при известии о каком-нибудь государственном бедствии продают хлеб по дорогим ценам. Ваши несчастья так приятно им видеть, что иногда о них они узнают раньше всех, а иногда и сами их сочиняют... Вражда их дошла до того, что они в удобный момент нападают на вас, как неприятели. Когда вы всего более нуждаетесь в хлебе, они вырывают его у вас изо рта и не хотят продавать, чтобы мы не разговаривали о цене, а были бы рады купить у них хлеба по какой ни на есть цене. Таким образом, иногда во время мира они держат нас в осадном положении» (Lys. Log. XXII, 14–15).

Именно в этих условиях, когда начинается кризис полисной системы, появляются попытки оздоровления полисной жизни. Выдающиеся мыслители и политики Греции выдвигали свои проекты выхода из кризиса, искали альтернативы для возрождения общеэллинского единого государственного союза. Сознание многих греческих граждан и политических деятелей не хотело мириться с мыслью о разумности дальнейших гражданских смут и войн. Тем более что Персия и Македония угрожали независимости греческих городов-государств.

Весьма точно высказался по этому поводу П.И. Новгородцев: «В древности государство для человека было объектом культа, оно составляло высшее единство человеческой жизни, осуществление высших идей; древний гражданин должен был всецело жить для государства или общества, в жертву которому приносилась свобода личности; отдельная личность была мыслима только в качестве гражданина, а не человека вообще. И вот, когда греческое государство разлагается и падает, приходится перестраивать всю жизнь, искать

для нее других опор; естественно, что людьми овладевает известная тоска отчаяния, известное недоверие к будущему» [2: с. 26].

«А нас ничуть не заботит, — укорял сограждан Исократ, — что наша политика извращена. Мы не думаем искать средства к ее исправлению. Вместо этого, сидя по лавкам ремесленников, мы осуждаем теперешние порядки и сетуем на то, что никогда еще при демократии нами не управляли хуже, чем теперь. На самом же деле в поступках и в образе мыслей, которых мы придерживаемся, мы любим нынешнюю политику больше завещанной нам предками» (Isocr. Log. VII, 15). «Граждане, вместо того, чтобы воевать с другими за свою страну, сражаются между собой внутри городских стен» — таков неутешительный вывод Исократа.

Вместе с крахом Второго афинского морского союза было уничтожено последнее крупное объединение греческих полисов, а вместе с ним — и последние надежды на возрождение единого эллинского государства. Свидетельства охватившего Грецию кризиса были налицо: усилились политическая анархия, враждебность и настороженность в межполисных отношениях, участились локальные войны, начинавшиеся, как правило, по ничтожным мотивам. Это все больше и больше ослабляло Элладу, пока поражение в битве при Херонее не поставило точку в истории независимых греческих полисов. По прошествии некоторого времени царство, созданное Александром Македонским, объединило в себе и эллинов, и варваров, различий между которыми македонский царь не делал, несмотря на то что его великий учитель предписывал своему питомцу обращаться с эллинами как со свободными людьми, а с варварами — как с рабами. Но, как бы то ни было, кругозор эллинов расширялся, а с постепенным забвением старых полисных ценностей и традиций исчез и прежний взгляд на мир и неэллинские народы.

Вместе с серьезными изменениями в политическом сознании происходит и изменение понятий. Если для полисного грека понятие «полис» (polis) объединяло государство и город, то теперь город-государство уходит в прошлое, оставляя место только государству. В связи с этим не мог не измениться и смысл термина «гражданин» (polites). Нравственные основы, на которых держался полис, изменились и вышли за его рамки, приняв более общечеловеческий характер. Если ранее требования любви гражданина к родине, согражданам и необходимость исполнения каких-либо обязанностей заключались только в пределах города-государства, то от греческого гражданина эпохи эллинизма требуется справедливое отношение уже ко всем окружающим, независимо от того, живут ли они с ним в одном городе или нет, эллины они или варвары. Именно здесь и происходит новый перелом в политическом сознании греков. Нравственное и политическое разделяются друг с другом. На нравственность перестают смотреть через призму политики как на нечто полезное или пригодное для государства. Таким образом, разрушается та основа, на которой зиждились политическое сознание и эллинские политические учения классической полисной эпохи. Новое государство уже не интересуется,

патриот ли данный гражданин или своекорыстный эгоист. Теряется ценность отдельного лица — члена полисной общины, гражданина города-государства. И если раньше полис требовал от своих граждан все свои деяния и помыслы направлять на то, чтобы принести пользу своему государству, то теперь этот гражданин (или уже подданный) теряется в грандиозных размерах нового разноплеменного и разноязыкого государства, а вместе с этим исчезают из человеческого сознания идеи о панэллинизме, а из философии — идеи об идеальном государстве со строго ограниченным количеством граждан.

Если в полисе изменение благосостояния государства моментально отражалось на благосостоянии его граждан, то теперь гражданин стал в нем лишь песчинкой, податной единицей. Как гражданин не обязан пекся о благосостоянии государства с тем радением, которое от него требовалось раньше, так и государству безразличен его отдельный гражданин. Государство перестает владеть всем существом человека. И чем больше расширяется государство и множится число его граждан, тем более теряет гражданин интерес к политической деятельности, предается забвению смысл старых понятий и идеалов.

Древняя Греция, состоящая из небольших городов-государств, прекратила свое существование. Поглощенная империей Александра Македонского, она стала лишь одной из ее частей. Родиной становится не свой город, а весь мир, и всякий ограниченный человеческий союз теперь представляется слишком узким. На передний план выступает отдельная человеческая личность, для которой родина там, где ему хорошо. Космополитизм, зародившийся еще в эпоху классической Греции, стал одной из типичных черт нового общественного сознания [2: с. 30]. На этом этапе окончательно исчезает политический идеал античной Греции, столь характерный для сознания греческого полисного гражданина. Идеи космополитизма уже совершенно противоположны и чужды политическому сознанию гражданина города-государства. Теперь же человек из гражданина полиса становится гражданином мира. И государство, которому служит теперь всякий человек, состоит не из маленького полиса, а представляет собой единый универсальный город, в котором другие города и государства лишь отдельные дома.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: в 3 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1993. 432 с.
2. Новгородцев П.И. Конспект к лекциям по истории философии права. М.: В.М. Саблин, 1908. 246 с.
3. Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. 352 с.

Literatura

1. Gegel' G.V.F. Lekcii po istorii filosofii: v 3 t. T. 2. SPb.: Nauka, 1993. 432 s.
2. Novgorodcev P.I. Konspekt k lekciyam po istorii filosofii prava. M.: V.M. Sablin, 1908. 246 s.
3. Petrov M.K. Antichnaya kul'tura. M.: ROSSPE'N, 1997. 352 s.

A.V. L'vov

The Political Consciousness of a Citizen of the Ancient Greek Polis²

The main criterion for the ancient citizen was the degree of his participation in the political life of their polis and the relationship between a man-citizen, a group of citizens and the polis was especially close. In light of this the purpose of this article is to attempt to consider the formation and development of the political consciousness of the ancient man, the relationship of the political consciousness with real behavior.

Keywords: political consciousness; citizen; citizenship; Ancient Greece.

² Continuation, the beginning of the article see: *L'vov A.V. Politicheskoe soznanie grazhdanina drevnegrecheskogo polisa. Ch. 1 // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2018. № 4 (32). S. 25–33.*